

Галкина Ю. М. Славист как разведчик : французская Школа восточных языков и Русская революция в 1918 году / Ю. М. Галкина // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 340—356. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-340-356.

Galkina, Yu. M. (2021). Slavist as a Scout: French School of Oriental Languages and Russian Revolution in 1918. *Nauchnyi dialog*, 4: 340-356. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-340-356. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-340-356

Славист как разведчик: французская Школа восточных языков и Русская революция в 1918 году

Галкина Юлия Михайловна
orcid.org/0000-0002-4863-5027

кандидат исторических наук, ассистент
кафедры новой и новейшей истории
iulia.galkina@urfu.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда (РНФ),
проект № 20-78-10014
«От Соглашения к Пакту: франко-русские /
франко-советские отношения
в период 1890—1930-х гг.»

Slavist as a Scout: French School of Oriental Languages and Russian Revolution in 1918

Yulia M. Galkina

orcid.org/0000-0002-4863-5027

PhD in History, Assistant, Department
of Modern and Contemporary History
iulia.galkina@urfu.ru

Ural Federal University named after
the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekateriburg, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded
by Russian Science Foundation (RSF),
project number 20-78-10014
“From Consent to the Pact: Franco-
Russian / Franco-Soviet relations in the
1890-1930s”

© Галкина Ю. М., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На материалах Национального архива Франции рассматривается деятельность выпускников-славистов Школы восточных языков (Париж) в 1918 году в России. В центре внимания — филологи и дипломаты: А. Мазон, А. Гокье, Ж. Сишель-Дюлонг, П. Блей. Их активность в Советской России и взгляд на происходящие в стране события реконструированы на основе писем, направленных директору Школы восточных Языков — П. Буае. Показано, что многие идеи, декларируемые специалистами-русистами, являются отражением господствующих во французской политической элите умонастроений: идея скорого падения власти большевиков, уверенность в германском следе русской революции, стремление рассматривать политические трансформации Советской России через призму французского исторического и парламентского опыта. Отмечается, что наиболее критическую позицию в осмыслении событий в России занял А. Гокье, поставив в центр своей аналитической работы потребности русского человека. Новизна исследования заключается в рассмотрении роли Франции в процессе эскалации Гражданской войны в России, что длительное время находилось в «слепом пятне» исследовательского интереса. Автор статьи реконструирует контакты выпускников Школы с антибольшевистским подпольем. Выявляются роль и значение ученых в поддержании разведывательной деятельности Франции в Советской России.

Ключевые слова:

Русская революция; Школа восточных языков; Французский Институт; Поль Буае; Андре Мазон; антибольшевизм

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Based on the materials of the National Archives of France, the activity of graduates-Slavists of the School of Oriental Languages (Paris) in 1918 in Russia is considered. The article focuses on philologists and diplomats: A. Mazon, H. Gauquié, J. Sichel-Dulong, P. Blay. Their activity in Soviet Russia and their view of the events taking place in the country are reconstructed on the basis of letters sent to the director of the School of Oriental Languages — P. Boyer. It is shown that many of the ideas declared by specialists in Russian studies are a reflection of the mentality prevailing in the French political elite: the idea of the imminent fall of the Bolshevik power, confidence in the German trace of the Russian revolution, the desire to view the political transformations of Soviet Russia through the prism of French historical and parliamentary experience. It is noted that H. Gauquié, took the most critical position in understanding the events in Russia, placing the needs of the Russian person at the center of his analytical work. The novelty of the research lies in the consideration of the role of France in the escalation of the Civil War in Russia, which for a long time was in the “blind spot” of research interest. The author of the article reconstructs the contacts of the School’s alumni with the anti-Bolshevik underground. The role and importance of scientists in supporting the intelligence activities of France in Soviet Russia are revealed.

Key words:

Russian revolution; School of Oriental Languages; French Institute; Paul Boyer; André Mazon; anti-bolshevism.

Славист как разведчик: французская Школа восточных языков и Русская революция в 1918 году

© Галкина Ю. М., 2021

1. Причины и время появления специалистов Школы восточных языков в Советской России

Произошедшие в октябре 1917 года революционные события и дальнейший выход Советской республики из войны поставили перед Третьей Республикой задачу сохранения России в орбите своего влияния и максимально возможного в текущих условиях возобновления сопротивления Германии, в связи с чем появилась необходимость получения точных сведений о политической, военной, экономической ситуации в Республике Советов, что позволяло бы более искусно влиять на обстановку в лагере бывшего союзника. Традиционно сведения о всестороннем положении страны собирались сотрудниками Военного министерства Франции. Военные атташе, представители 2 Бюро Генерального Штаба, регулярно составляли соответствующие отчеты и направляли их в Париж. Другим носителем информации было Министерство иностранных дел, по своим каналам информировавшее руководство о состоянии страны пребывания. Однако заключение Брест-Литовского перемирия поставило работавшие в России официальные французские структуры в сложную ситуацию: дипломатический корпус и военная миссия фактически перешли на нелегальное положение. Этому способствовало отсутствие признания Советской республики со стороны западных держав, откровенно враждебное отношение европейских элит к большевикам, выразившееся в поддержке контрреволюционных сил. Так или иначе, в сложившейся обстановке ответственные лица Третьей Республики нуждались в информации о состоянии дел в России, основанной на квалифицированном экспертном мнении. Такими экспертами стали сотрудники «Альянс Франсез», Французского Института и Школы восточных языков, которая также рассматривается в рамках данной статьи. Специалисты этих учреждений работали в России с 1916 года, будучи привлеченными в Комитет управления пропаганды, созданный по инициативе французского офицера связи Ж. Ланглуа с целью формирования позитивного образа союзника и негативного образа врага в общественном мнении России. Подобная политика соответствовала современной эпохе тенденциям привлекать к работе с общественным мнением интеллектуалов, в том числе ученых и представителей мира искусства [Forcade, 2004, p. 432].

В декабре 1917 года министр иностранных дел С. Пишон учредил комиссию по решению русского вопроса под председательством государственного министра, антикоммуниста А. Франклина-Буйона. В комиссию входили глава службы пропаганды при французской военной миссии в России граф де Шевии, журналист и востоковед Робер де Ке (Robert de Caix) и директор Школы восточных языков Поль Буайе. Перед ней стояла задача конкретизировать стратегию работы в России, расширить деятельность службы пропаганды и представить список из числа специалистов, которых можно направить в Россию [Geist, 2019]. Французские чиновники считали, что «теперь, когда мир стал окончательным, нам больше нечего ожидать от большевистской партии, кроме предательств и новых столкновений ...» [AN, 62AJ/66, р. VI], и в рамках борьбы с большевиками планировали укрепить сотрудничество с аналогичными службами пропаганды стран Согласия: Великобритании, США, Италии и Бельгии. Тем более что «на этом поле приходится бороться с подавляющим большинством жителей России» [Geist, 2019]. Одним из инструментов претворения этой идеи в жизнь стала отправка в Россию выпускников Школы восточных языков, инициированная ее руководителем Полем Буайе (1864—1949), профессором-славистом. Специалистам Школы предписывалось вступить в связь с теми политическими кругами, которые хотят остаться преданными Альянсу и создать сложности для немцев [AN, 62AJ/66, р. VI—X]. Подобная практика уже обсуждалась в 1917 году и с тех пор занимала умы руководителей Третьей Республики: считалось, что французы, в довоенное время работавшие в России в качестве инженеров, профессоров и др., способны оказать неоценимые услуги своему правительству, занимаясь подпольной работой и таким образом готовя замену большевистскому режиму [Ibid]. Интеллектуальным стимулом выступила разработанная в октябре 1917 года славистом Андре Мазоном программа «Как в настоящее время должна выглядеть французская активность в России». Учёный высказал мнение, что Франции следует перестать направлять в Россию «специальных агентов», «вечно подозрительных и часто неспособных выполнять свою задачу». Намекая на себя и своих коллег, Мазон утверждал, что такими задачами должны заниматься специалисты, компетентные в русских делах и обладающие связями в России [AN, 62AJ/66, Note sur ce que devrait être présentement l'action française en Russie]. Идеи Мазона в итоге были услышаны: 8 декабря 1917 года министр иностранных дел Стефан Пишон издал приказ, в котором силами специальной Комиссии требовалось в кратчайшие сроки составить список специалистов, «знающих Россию», для скорейшего их использования в этом регионе [AN, 62AJ/66, Note pour le Ministre des Affaires Étrangères].

На сегодняшний день Национальный архив Франции располагает коллекцией писем и выдержек из писем, датированных февралем-июлем 1918 года, которые П. Буайе получал из России от своих учеников: Жильбера Сишеля-Дюлонга, Андре Мазона и Анри Гокье, представлявших так называемую «московскую группу» агентов влияния [Галкина, 2017, с. 134]. В этих письмах ученики П. Буайе, сохранившие со своим мэтром теплые, дружеские отношения, пытались представить свое мнение о политической ситуации в России, обосновать положение различных политических сил, спрогнозировать их будущее, преподнести свое понимание общественного мнения и тех действий, которые Третья Республика должна предпринять по отношению к бывшему союзнику.

На протяжении 1918 года П. Буайе подбирал из числа своих учеников потенциальных агентов для отправки в Россию с миссией «разведки и пропаганды» [Pondoroulo, 2011, p. 357]. В одном из писем послу Жозефу Нулансу Буайе выразился так: «Я говорил Вам: чтобы бороться с немецким влиянием, обеспечиваемым в России отлично вышколенными агентами, чтобы защитить наше французское дело, Вам необходимо увеличить число агентов влияния. Вы можете написать мне, и я без всякого бахвальства покажу Вам ребят, владеющих русским языком, умеющих руководить людьми и делами в России ...» [AN, 62AJ/66, L'administrateur de l'Ecole Nationale des Langues Orientales vivantes à Monsieur Noulens]. Кандидатуры и время появления агентов в России согласовывались и контролировались послом Нулансом, при этом посол не видел срочной необходимости в отправке сколько-нибудь значительного числа выпускников Школы, полагая, что первоочередной задачей для Франции является силовое решение вопроса. По его мнению, деятельность специалистов в сфере гуманитарного знания будет востребована после того, как большевики будут свергнуты военным путем [AN, 62AJ/67, Письмо Ж. Нуланса — П. Буайе].

2. Деятельность специалистов Школы в Советской России: Андре Мазон

Наиболее ценным учеником П. Буайе считался выдающийся филолог-русист Андре Мазон. Французская исследовательница С. Кёре полагает, что в 1918 году А. Мазон находился в Советской России с целью «сбора материалов для библиотек» и в этом качестве впоследствии был арестован чекистами [Кёре, 2009, с. 289]. Действительно, формально работая при французской военной миссии, А. Мазон не являлся её сотрудником: он находился в России в научной командировке по заданию Министерства народного просвещения Франции. Однако «научная командировка» была всего лишь легендой для прикрытия его разведывательной деятельности [Спиридонова, 2013, с. 200].

А. Мазон отправился в Москву в начале 1918 года: данный визит был для него далеко не первым: с 1905 года он преподавал французский язык в Харьковском университете [Там же], нередко приезжал в Петербург для работы с материалами по творчеству и биографии И. А. Гончарова [Geist, 2019]. В феврале 1918 года он прибыл в Хельсинки и некоторое время вращался в кругах финского слависта, правого националиста Иосеппи Микколы и его супруги. Пара держала популярный по тем временам литературный салон, который привлекал выдающихся писателей, ученых-славистов, артистов — в шутку его называли «генеральное консульство славян» [Hellman, 2009, p. 125]. Из Хельсинки А. Мазон направлял П. Буайе информацию о ходе Гражданской войны в Финляндии и настроениях местной интеллектуальной элиты, ее отношении к немцам, англичанам, французам и русским. Также в Париж направлялись сведения о перемещениях И. Микколы [AN, 62AJ/67, Extrait d'une lettre de M. André Mazon, Helsingfors, le 25 février 1918], выполнявшего в 1918 году дипломатическую миссию по приказу финского правительства.

В конце марта 1918 года Мазон перебрался в Россию. Приезд слависта в столицу горячо ожидался главой службы пропаганды при французской миссии в России графом де Шевийи. Он писал: «Мазон приедет в Москву. Он будет заводить связи с людьми политических, университетских кругов, и я знаю его достаточно хорошо, чтобы быть уверенным в том, что он выполнит возложенную на него миссию. Тем более что сейчас необходимо иметь в Москве первоклассно информированного человека» [AN, 62AJ/66, Письмо Полю Буайе].

Несмотря на довольно длительную историю отношений Мазона с Россией, ученый был заложником господствующим в среде интеллектуальной элиты и представителей МИД Франции идей, которые гласили, что победа большевиков обеспечена случайным стечением обстоятельств, и прочили им недолгое пребывание у власти. Так, посол Франции в России Ж. Нуланс в апреле 1918 года телеграфировал в МИД: «У большевиков безнадёжная ситуация. Их режиму осталось 3 недели, максимум месяц жизни» [AMAE, SG, Dossier 670, Télégramme de Noulens (Vologda, 14 avril 1918)], в это же время ему синхронно «вторил» А. Мазон: «Угасающий большевизм больше не поддерживается ничем, кроме штыков Красной гвардии, которую он пытается превратить в Красную армию, пополнив добровольцами <...> Никто здесь не верит, даже Троцкий, что эта армия, в настоящее время находящаяся в зачаточном и хаотическом состоянии, может когда-либо превратиться в национальную армию, способную сражаться с иностранцем. <...> Мы можем развить эмбрион, собрать эти банды в подобие воинского подразделения <...>; но это только отсрочит неизбежное падение больше-

визма, и не более того» [AN, 62AJ/67, Extrait d'une lettre de M. André Mazon, Vologda-Moscou, 11 avril 1918].

Подобные размышления были актуальны ввиду зародившегося в марте-апреле 1918 года проекта организации Красной Армии силами французских военных специалистов. В военном министерстве Третьей Республики существовала идея, что большевики смогут оказать сопротивление Германии, если Франция поможет восстановить боеспособность вооруженных сил Советского государства. В переговорном процессе принимали участие Наркомвоен Л. Троцкий, начальник французской военной миссии Ж. Лаввернь и социалист Ж. Садуль: уже в конце марта соглашение между этими сторонами было достигнуто. Однако вскоре большевикам в этой помощи было отказано. Господствующие в среде французских представителей настроения выразил А. Мазон: «Это говорит Вам о том, какой ошибкой было бы с нашей стороны оказать эффективную помощь в организации этой революционной карикатурной армии и тем самым оказать большевизму поддержку, которая не сделала бы его национальным правительством, но способствовала бы утере нашей связи со всеми подлинно национальными партиями в России, включая эсеров и меньшевиков» [Ibid.]. Мазон был уверен, что оппозиция в лице эсеров и меньшевиков становится сильнее по мере «изнашивания большевизма» и целью французов в регионе является поддержка умеренных социалистов и либералов, а также кадетов, чтобы в опоре на союзников они имели возможность собрать свои силы, «поддержать растущий износ большевизма» и подготовить японскую интервенцию, вокруг которой можно будет «восстановить здоровые российские силы» [Ibid.]. Кроме того, Мазон разделял влиятельное мнение о том, что России можно помочь только с помощью настоящей «хирургии» — решительной операции, позволяющей удалить большевиков из руководства страной в краткосрочной перспективе; медицинские метафоры можно было услышать и от секретаря посольства Франции Луи де Робьена: по его мнению, «к России нельзя применять гомеопатию» [de Robien, pp. 84—85; 289—290]. В конце апреля А. Мазон писал П. Буайе: «... В противном случае мы будем вынуждены нанести серию уколов булавкой, которые не будут иметь никакого другого эффекта, кроме как постепенно оттолкнуть от нас всю Россию, зато крепкий удар в нужное время вернет ее на нашу сторону» [AN, 62AJ/67, Extrait d'une lettre de M. André Mazon, le 25 avril 1918].

Тем не менее некоторые французы высказывали мнение, что большевики — серьезная сила, с которой имеет смысл считаться, и предлагали услуги посредника между двумя правительствами: главным образом, это были представители левого движения. К ним А. Мазон также выразил свое отношение. Наиболее известным представителем французских левых

в России был Ж. Садуль, именно против него Мазон неоднократно высказывал критические замечания: «... некоторые из нас, из наших союзников были сбиты с толку невежественными, слепыми, хуже того, недобросовестными информаторами. Здесь есть люди, которые все еще верят в реальность силы большевизма и отстаивают политику, основанную на этой так называемой силе, которая с каждым днем становится все более непопулярной. Они (люди типа Садуля. — Ю. Г.) думают, что манипулируют большевиками, а на самом деле большевики манипулируют ими» [Ibid.]. Мазон полагал, что присутствие Садуля в Москве способно нанести французской политике в России серьезный урон [AN, 62AJ/67, Extrait d'une lettre de M. André Mazon, le 10 mai 1918], так как его донесения дезориентируют руководство Третьей Республики.

Целью французского присутствия А. Мазон видел деятельность по «прочному объединению оппозиционных партий» для создания союза, способного просуществовать до исчезновения «национальной опасности» в лице большевизма [AN, 62AJ/67, Extrait d'une lettre de M. André Mazon, le 14 juin 1918]. Главным образом славист видел жизнеспособность коалиции правого центра (под ним он понимал «правых кадетов» П. И. Новгородцева и Е. Н. Трубецкого, тяготеющих к ним либералов В. И. Гурко и П. Б. Струве, а также «старых бюрократов» А. В. Кривошеина и В. Н. Ковцова) и левого центра (это — «левые кадеты», меньшевики-оборонцы, правые эсеры и эсеры центра, представители «Союза возрождения»), однако политической силой, которая должна доминировать в России, Мазон считал именно левоцентристов как более склонных к политическому компромиссу: «В любом случае, если мы идем к коалиционному правительству, левый центр должен быть центром притяжения. Сдвиг вправо может быть осуществлен много позже и должен происходить постепенно» [Ibid.].

А. Мазон был также инициатором программ «французского действия» в России: он предлагал вовлечь в работу по сбору информации для руководства Третьей Республики представителей французской колонии в России: «Все французы в России должны собирать информацию в своих кругах по мере возможностей» [AN, 62AJ/66, Note sur ce que ...]. В итоге ученый-славист был арестован чекистами в ночь с 31 августа на 1 сентября 1918 года в особняке Левашова на Фонтанке [Breuillard, 2011, p. 21]. Считается, что причиной ареста послужила встреча А. Мазона с отцом стрелявшего в М. Урицкого Л. Каннегиссера Акимом Каннегисером [Niquieux, 2013]. Находясь в Бутырской тюрьме, А. Мазон писал своим коллегам-ученым с просьбой о заступничестве перед А. Луначарским: «Не сочтете ли Вы возможным дать знать об этом тов. <...> Луначарскому, свидетельствуя ему в том, что Вы меня давно знаете как человека, посвящавшего себя ис-

ключительно научной деятельности и в последние 6 месяцев, по командировке от Министра Народного Просвещения Франции, собирающего печатные документы по истории русской революции?» [Niqueux, 2013]. С иронией вспоминал об этом случае его коллега, славист, член французской военной миссии Пьер Паскаль: «Мазон пытается убедить всех в том, что он обычный библиотекарь» [Паскаль, 2014, с. 577]. В итоге А. Мазон был освобожден 12 декабря 1918 года, как он сам утверждал, благодаря вмешательству народного секретаря Н. А. Скрипника [Ibid.].

3. Деятельность специалистов Школы в Советской России: Анри Гокье

Другим учеником П. Буайе, отправившимся в Россию, стал Анри Гокье, которому на момент командировки было 24 года. Это «путешествие» стало началом его будущей дипломатической карьеры: деятельность А. Гокье в Советской Республике, по всей видимости, была высоко оценена сотрудниками МИД, куда он в итоге был принят на службу. Известно, что в 1930-е годы он служил секретарем посольства Франции в Варшаве, вел переговоры с советскими представителями в преддверии Второй мировой войны [Документы ..., 1976, с. 605]; впоследствии работал послом в Югославии, Венгрии, Индонезии [Liste chronologique ...].

А. Гокье имел достаточно широкий круг знакомств в России и сотрудничал с Н. Д. Авксентьевым, Ф. И. Даном, В. М. Зензиновым, П. Б. Струве, Н. И. Астровым, А. Н. Сперанским, А. В. Кривошеиным, А. А. Мануиловым, Н. М. Кишкиным, Г. А. Алексинским, А. Р. Гоцем, а также эпизодически общался с Г. В. Чичериным, А. М. Коллонтай, но основным его контактом был Борис Савинков, которого француз называл «жемчужиной» [AN, 62AJ/67, Extrait d'une lettre de M.G ..., Moscou, le 24 avril 1918].

В отличие от А. Мазона А. Гокье слабо верил в коалицию партий в России: «Большинство наших самых активных союзников среди трудовиков и особенно среди правых эсеров. Они многому научились, но и многое забыли во время господства большевиков; <...> кажется, у них явная склонность к «кадетизации». К сожалению, кадеты и эсеры — русские, особенно они «русские» в плане идей, когда дело касается программ и лозунгов; вряд ли можно надеяться на коалицию партий, но можно работать на коалицию отдельных лиц» [Ibid.]. При этом Гокье призывал не переоценивать возможности эсеров, влияние которых серьезно сократилось с роспуском Учредительного собрания.

Объясняя репрессивную политику большевиков, Гокье опирался на аргумент о потере ими власти за пределами Москвы и предлагал французской военной миссии по возможности поддерживать контакт с больше-

виками при условии «давать только туманные советы», чтобы замаскировать истинную политику Франции [Ibid.]. При этом Гокье предполагал, что в обозримом будущем большевистское руководство предъявит французам ультиматум, выдворяющий их из России, тем более что политику союзников он образно сравнивал с сюжетом басни И. А. Крылова «Квартет», где «играли» «загадочная Япония», «колеблющаяся Англия», итальянцы, мечтающие только о том, чтобы не пустить большевизм в свою страну, американцы, стремящиеся быть одновременно бизнесменами и демократами. Но в то же время Гокье питал искреннюю надежду на то, что позиции Третьей Республики достаточно крепки для того, чтобы сопротивляться большевикам. Эту надежду подпитывала убежденность, что «большевизм, проникнувший в солдата упрощенной идеей немедленного мира, проник в крестьянина идеей полного одобрения на захват всего, что он хочет. Но когда крестьянин взял, в нем просыпается инстинкт удержать добытое. Не исключено, что в ближайшее время мы станем свидетелями полной “буржуизации” российского мужика» [Ibid.]. Гокье также критиковал «западных доктринеров» из Вашингтона, Лондона и Парижа, которые, защищая диссертации о социалистических, коммунистических, демократических или радикальных тенденциях русского народа, напрасно стремятся найти в народе «политические ориентации». Гокье считал, что русский человек далек от политических дебатов и поглощен лишь двумя потребностями: спасти свою жизнь и получить кусок земли, «все, что мы можем им дать — это порядок» [AN, 62AJ/67, Extrait d’une lettre de M.G ..., Moscou, le 6 juin 1918]. Критика западных соратников была подчас беспощадной: он называл своих коллег выглядящими как «нелепые маньяки, наделенные скудным чувством реальности», сетовал на политическую разношерстность союзников. Подобная ситуация, по мнению Гокье, способствовала превращению Франции в подобие «Дон Кихота», которого в итоге, при всей его благородной миссии, русские обвинят во всех постигших их бедах [Ibid.]. В этой ситуации особенные надежды представитель Школы восточных языков возлагал на Бориса Савинкова, всецело зависящего от содействия французов. Высокая оценка его деятельности во многом опиралась на личные симпатии А. Гокье к Б. Савинкову: француз писал, что именно Савинков дал ему «чувство самоконтроля, ясности и энергии» [AN, 62AJ/67, Extrait d’une lettre de M.G ..., Moscou, le 24 avril 1918].

Идея ориентации на отдельных выдающихся представителей антибольшевистского подполья также нашла свое выражение в письме П. Буайе от 6 июня 1918 года: «Будем полагаться на Деникина и Савинкова или на других им подобных (они редки), но только не на Учредительное собрание или Думу — мертвые собрания, избранные мертвой Россией, которые

уже ничего собой не представляют» [AN, 62AJ/67, Extrait d'une lettre de M.G ..., Moscou, le 6 juin 1918]. Тогда же, в первых числах июня, в разгар выступления чехословацкого корпуса, Гокье сообщил, что в ближайшее время собирается поехать в командировку — «увидеть Волгу», — однако в конце июня он по-прежнему находился в Москве.

Существует версия, что убийство германского посла Мирбаха было устроено при содействии французов [Владиминова, 1927, с. 269]. На сегодняшний день не существует прямых доказательств участия Третьей Республики в заговоре против немецкого дипломата, однако известно, что в июне 1918 года А. Гокье контактировал с левыми эсерами: «Я вам рассказывал, что снова встретил здесь Камкова, лидера левых эсеров, первый контакт, который вы мне передали в Школе через посредничество Ангарского ...» [AN, 62AJ/67, Extrait d'une lettre de M.G ..., Moscou, le 21 juin 1918]. Под вопросом остаётся частота таких контактов с Камковым, не исключено, что со стороны Гокье они могли быть эпизодическими. Кроме того, пребывая в Москве, Гокье встречался с французским диверсантом Анри де Вертамоном, осужденным по так называемому «делу Локкарта», о чем свидетельствует краткая блокнотная запись Феликса Дзержинского: «Между Пушкинскими и Никитскими воротами сидели на скамейке» [Галкина, 2017, с. 134].

Не поздней середины августа 1918 года деятельность А. Гокье, по всей видимости, была раскрыта чекистами. В письме от 23 августа граф де Шевийи сообщал П. Буайе, что Гокье и его коллега Эрик Лабонн совершили некую неумышленную, но очень серьезную ошибку и в данный момент находятся в опасности [AN, 62AJ/67, Письмо Шевийи — П. Буайе]. Вскоре А. Гокье покинул территорию Центральной России.

Осенью 1918 года А. Гокье работал во французской миссии в Киеве в качестве дипломатического представителя при Добровольческой армии, получил высокую оценку со стороны А. И. Деникина, а в середине ноября был отозван в Яссы [Деникин, 2002, с. 63]. Примечательные воспоминания об А. Гокье сохранились у участника Белого движения на Юге России Василия Шульгина. Ему особенно запомнилось «предсказание» французского дипломата: «Конечно, вы ведете борьбу с Лениным, и Франция в этом будет вам помогать. Но когда-нибудь вы, как русский патриот, поймете, что Ленин большой человек» [Шульгин, 2012, с. 210].

Помимо коллекции писем, полученных от А. Мазона и А. Гокье, Национальный архив располагает отдельными письмами и других конфидентов П. Буайе: донесениями Ж. Сишеля-Дюлонга, который до Первой мировой войны заведовал на Урале сетью приисковых торговых магазинов «Анонимной платиновой компании» [Белобородов, 2018, с. 193], и военного

инженера, бывшего преподавателя русского языка в Париже П. Блей. Примечателен тот факт, что оба выпускника Школы восточных языков стремились объяснить текущие политические события в России и поведение народных масс национальными особенностями характера, сформировавшимися в глубоком прошлом. Так, Ж. Сичесль-Дюлонг в ноябре 1918 года писал: «Для рабочего мы просто назойливая помеха, разрушители свободы; героями русского народа по-прежнему остаются Стенька Разин и Пугачев; вот что сделало большевизм таким успешным: “диета”, при которой человек питается далеко не каждый день и заодно подвергается избияниям, но зато имеет возможность жить по своему усмотрению ...» [AN, 62AJ/67, Extrait d'une lettre de M. Sichel-Dulong, Arkhangel, le 13 novembre 1918]. П. Блей, в свою очередь, обращаясь к историческим сюжетам, предостерегал французов от германской опасности в России: «Мы должны любой ценой избежать ситуации, при которой русские “направят” в Германию обращение, адресованное в 862 году их предками-славянами варягам: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”» [AN, 62AJ/66, Etude sur la situation en Russie]. Ресурсы для оказания сопротивления новым «варягам» П. Блей видел, с одной стороны, в работе православной церкви, которая должна пробудить религиозные чувства, патриотизм и организовать «сопротивление захватчику, как это было в 1611 году», с другой — в деятельности Франции: организации интервенции в Сибирь, агитации в оккупированных немцами зонах, направлении в Россию так называемого Верховного комиссара, основной задачей которого станет стремительное восстановление ориентированной на союзников торговли. Для этого, по мнению П. Блея, «следует наладить отношения с местными организациями и коммерсантами, показать им настоящую силу союзников и дать понять, что союзники хотят прийти на помощь русскому народу, спасти его от голода и беспорядка, показать, что немцы хотят лишь эксплуатировать Россию» [Ibid.].

4. Заключение

Аналитическая работа А. Мазона высоко оценивалась многими современниками, ответственными лицами Франции. Информация слависта заслужила доверие военного атташе: «Генерал Лавернь находит в Андре Мазоне первого свидетеля» [AN, 62AJ/66, Письмо П. Буайе (Париж, 13 мая 1918)], посол Нуланс в одной из телеграмм, адресованных в МИД Франции, уверял, что «Мазон превосходно исполняет свои обязанности» [AMAE, Correspondance politique et commerciale, Télégramme, Vologda, 7 avril 1918]. Советник Ж. Клемансо по финансовым вопросам, Ф. Франсуа-Марсаль, с которым Буайе находился в теплых отношениях, выражал

директору Школы восточных языков благодарность за возможность ознакомиться с наблюдениями А. Гокье и А. Мазона: они были сочтены руководством как весьма точные, отличающиеся глубоким проникновением в суть происходящих в России процессов.

Деятельность учеников позволяла П. Буайе направлять руководству Французской Республики свои предложения по решению «русского вопроса», при этом доверие к Буайе было весьма велико: в одном из писем Ф. Франсуа-Марсаль писал: «Президент Республики помнит о возможной аудиенции с вами» [AN, 62AJ/66, Письмо Франсуа-Марсаль — П. Буайе (Париж, 15 мая 1918)]. Другим способом «достучаться» до высшего руководства страны стала переписка П. Буайе с «Полибием»: под этим псевдонимом в годы Первой мировой войны работал влиятельный журналист Жозеф Рейнах, имевший, как и его дядя, тесную связь с премьер-министром Ж. Клемансо [Winock, 2007, p. 223, 226]. Основываясь на выводах, сделанных «выдающейся московской командой»: Гренаром, Мазоном и Гокье, — главным образом, в части высокого престижа Франции в России, Буайе писал ему, что многие страны, в том числе Англия, Япония, уже выразили определенную позицию по вопросу интервенции и по вмешательству в русские дела и только Франция остается на обочине конкретных решений, и просил Рейнаха-Полибия довести до сведения С. Пишона и Ж. Клемансо его позицию: «Скажите Пишону и Клемансо, что молчание Франции разрушительно!» [AN, 62AJ/67, Письмо П. Буайе — Полибию (Париж, 16 августа 1918)].

Таким образом, антибольшевистская деятельность была уделом не только французских спецслужб: гражданские служащие, ученые, предприниматели также принимали посильное участие в свержении власти большевиков, выступали в качестве экспертов по «русскому вопросу» для ответственных лиц Третьей Республики. Их «патроном» выступало Министерство иностранных дел Франции. Согласно традициям французского МИДа, одной из задач дипломата в стране пребывания являлось поддержание контактов, с которыми его предшественники ранее установили тесные связи, а также он имел возможность организовать вокруг себя проживающих в России соотечественников с целью использования их личного и делового опыта и потенциала [Georgy, 1998, p. 510]. Данная практика нашла широкое отражение в деятельности посла Франции в России Ж. Нуланса, консула Ф. Гренара, слависта А. Мазона.

Характеризуя высокую степень доверия руководства Третьей Республики сведениям выпускников Школы восточных языков, отметим, что французские элиты, в первую очередь, расценивали мотивы и поведение русских в контексте целесообразности для интересов Франции и соб-

ственных культурных стереотипов: по справедливому замечанию А. Вершинина, французы не могли адекватно осмыслить русскую революцию, потому что для этого им было необходимо выйти за пределы принятого во французской политической культуре дискурса о революции как об освободительной борьбе нации против авторитаризма [Вершинин, 2012, с. 144]. Основным ориентиром для них была борьба с большевизмом, и в этом отношении выводы А. Мазона об обреченности режима левых радикалов, незначительности их поддержки отвечали устремлениям руководства Франции, в частности Ж. Клемансо. Позиция французского премьер-министра была отчетливо антибольшевистской: в декабре 1917 года посол Ж. Нуланс был смущен необходимостью встречи с Л. Троцким (по инициативе последнего), так как это вызвало бы недовольство Ж. Клемансо, которого он опасался, скомпрометировало бы посла в глазах французского руководства [Верстрат, 1999, с. 246]. Это сужало политический маневр и предписывало действовать и мыслить в фарватере антибольшевистского направления. Кроме того, происходящие в России политические пертурбации осмыслялись славистами А. Мазоном и А. Гокье в духе французских парламентских традиций: деятельность партий, их вес в политической системе России рассматривались как путь к реализации французского политического опыта.

Источники и принятые сокращения

1. *Верстрат М.* Дорогами прошлого. Воспоминания банкира / М. Верстрат // Из глубины времен. — 1999. — № 11. — С. 244—282.
2. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты : Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 — январь 1919 / А. И. Деникин. — Минск : Харвест, 2002. — Т. 4. — 560 с.
3. *Документы* внешней политики СССР. — Москва : Политиздат, 1976. — Т. 20. — 814 с.
4. *Паскаль П.* Русский дневник (1916—1918) / П. Паскаль. — Екатеринбург : Гонзо, 2014. — 591 с. — ISBN 978-5-904577-36-0.
5. *Шульгин В. В.* Тени, которые проходят / В. В. Шульгин. — Санкт-Петербург : Нестор-история, 2012. — 688 с. — ISBN 978-5-90598-638-3.
6. AN — *Archives Nationales de France*. 62AJ/66, 62AJ/67.
7. AMAE — *Ministère des Affaires Étrangères*. Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve. Correspondance politique et commerciale. Nouvelle Serie (1987—1914) ; Serie «Guerre 1914—1918», Dossier 670.
8. *De Robien L.* Journal d'un diplomate en Russie (1917—1918) / L. de Robien. — Paris : La librairie Vuibert, 2017. — 361 p. — ISBN 978-2-311-10218-5.
9. *Liste chronologique des ambassadeurs, envoyés extraordinaires, ministres plénipotentiaires et chargés d'affaires de France à l'étranger depuis 1945* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/maep0035-0120_cle8a5377.pdf (accessed 12.10.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белобородов С. А.* Жильбер Сисель-Дюлонг — «исследователь» иконописи старообрядцев Среднего Урала / С. А. Белобородов // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI—XX вв. : сборник статей. — Новосибирск : ООО Полиграфическая компания «Апостроф», 2018. — С. 192—200. — ISBN 978-5-93889-360-3.
2. *Вершинин А. А.* Мировая революция под звуки «Марсельезы», 1919—1923 : к истокам французского коммунистического движения / А. А. Вершинин. — Москва : URSS, 2012. — 200 с. — ISBN 978-5-397-03136-3.
3. *Владимирова В.* Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 году / В. Владимировна. — Москва, Ленинград : Государственное издательство, 1927. — 386 с.
4. *Галкина Ю. М.* Антисоветская деятельность Службы пропаганды Франции в России в 1918 году / Ю. М. Галкина // 100 лет органам государственной безопасности : избранные материалы межрегиональных научно-практических конференций «Научное и социальное использование документов органов государственной безопасности в исторической ретроспективе : проблемы и перспективы», 2009—2017 гг. — Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2017. — С. 133—135. — ISBN 978-5-8057-0983-9.
5. *Кёре С.* Русский язык и «ментальная карта» Европы в XX веке : размышления на примере Франции / С. Кёре // Россия и Франция. XVIII—XX века / отв. ред. П. П. Черкасов. — Москва : Наука, 2009. — Выпуск 9. — С. 287—304. — ISBN 978-5-02-037002-9.
6. *Спиридонова Д. В.* Французская лингвистическая советология : Андре Мазон / Д. В. Спиридонова, К. Л. Филатова, А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. — 2013. — № 1. — С. 198—202.
7. *Breuillard J.* Mazon linguiste / J. Breuillard // *Revue des études slaves*. — 2011. — Vol. 82, № 1. — Pp. 11—54. — DOI: 10.3406/slave.2011.7998.
8. *Forcade O.* Information, censure et propagande / O. Forcade // *Encyclopédie de la Grande Guerre*. — Paris : Bayard, 2004. — Pp. 425—438. — ISBN 2227139455.
9. *Geist M.* Entre transmission des savoirs et propagande politique : Jules Patouillet et l'Institut français de Pétrograd à l'époque de la Grande Guerre [Electronic resource] / M. Geist // *Pratiques de la médiation des savoirs*. — Paris : Éditions du Comité des travaux historiques et scientifiques, 2019. — Access mode : <https://books.openedition.org/cths/5403#text> (accessed 23.10.2020).
10. *Georgy G.* La diplomatie française et le renseignement / G. Georgy // *Le Renseignement à la français*. — Paris : Economica, 1998. — Pp. 509—516.
11. *Hellman B.* Meetings and clashes. Articles on Russian literature / B. Hellman. — Helsinki : Helsinki University Press, 2009. — 300 p.
12. *Niqueux M.* Lettres d'André Mazon aux savants russes (1910—1919) [Electronic resource] / M. Niqueux // *Revue des études slaves*. — 2013. — LXXXIV. 1—2. — Pp. 265—285. — Access mode : <https://journals.openedition.org/res/1093#fn38> (accessed 24.10.2020).
13. *Pondopoulo A.* Paul Boyer, ses liens avec la Russie et les enjeux politiques de la réforme de l'École des langues orientales dans les années 1910 / A. Pondopoulo // *La France et les Français en Russie. Nouvelles sources et approches (1815—1917)*. — Paris : École Nationale des Chartes, 2011. — Pp. 341—359.
14. *Winock M.* Clemenceau / M. Winock. — Paris : Perrin, 2007. — 688 p. ISBN 13 9782262018481.

MATERIAL RESOURCES

- AMAE — *Ministère des Affaires Étrangères. Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve. Correspondance politique et commerciale. Nouvelle Serie (1987—1914); Serie «Guerre 1914—1918», Dossier 670.* (In Fren.).
- AN — *Archives Nationales de France.* 62AJ/66, 62AJ/67. (In Fren.).
- Denikin, A. I. (2002). *Essays of the Russian troubles: Armed Forces of the South of Russia. The collapse of the Russian Empire. October 1918 — January 1919, 4.* Minsk: Harvest. 560 p. (In Russ.).
- De Robien, L. (2017). *Journal d'un diplomate en Russie (1917—1918).* Paris: La librairie Vuibert. 361 p. ISBN 978-2-311-10218-5. (In Fren.).
- Documents of the foreign policy of the USSR, 20.* (1976). Moscow: Politizdat. 814 p. (In Russ.).
- Liste chronologique des ambassadeurs, envoyés extraordinaires, ministres plénipotentiaires et chargés d'affaires de France à l'étranger depuis 1945.* Available at: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/maep0035-0120_cle8a5377.pdf (accessed 12.10.2020). (In Fren.).
- Pascal, P. (2014). *Russian diary (1916—1918).* Yekaterinburg: Gonzo. 591 p. ISBN 978-5-904577-36-0. (In Russ.).
- Shulgin, V. V. (2012). *Shadows that pass.* Saint Petersburg: Nestor-history. 688 p. ISBN 978-5-90598-638-3. (In Russ.).
- Verstrat, M. (1999). *The Roads of the past. Memoirs of a banker. From the depths of time, 11:* 244—282. (In Russ.).

REFERENCES

- Beloborodov, S. A. (2018). Gilbert Sishel-Dulong — “researcher” of the iconography of the Old Believers of the Middle Urals. In : *Traditions of Russian spiritual culture in the monuments of writing of the XVI—XX centuries.: collection of articles.* Novosibirsk: LLC Printing company “Apostrophe”. 192—200. ISBN 978-5-93889-360-3. (In Russ.).
- Breuillard, J. (2011). Mazon linguiste. *Revue des études slaves, 82 (1):* 11—54. DOI: 10.3406/slav.2011.7998. (In Fren.).
- Forcade, O. (2004). Information, censure et propagande. In: *Encyclopédie de la Grande Guerre.* Paris: Bayard. 425—438. ISBN 2227139455. (In Fren.).
- Galkina, Yu. M. (2017). Anti-Soviet activity of the French Propaganda Service in Russia in 1918. In: *100 years of state security bodies: selected materials of interregional scientific and practical conferences “Scientific and social use of documents of state security bodies in historical retrospect: problems and prospects”, 2009—2017.* Yekaterinburg: AMB Publishing House. 133—135. ISBN 978-5-8057-0983-9. (In Russ.).
- Geist, M. Entre transmission des savoirs et propagande politique: Jules Patouillet et l'Institut français de Péetrograd à l'époque de la Grande Guerre. In: *Pratiques de la médiation des savoirs.* Paris: Éditions du Comité des travaux historiques et scientifiques, 2019. Available at: <https://books.openedition.org/cths/5403#text> (accessed 23.10.2020). (In Fren.).
- Georgy, G. (1998). La diplomatie française et le renseignement. In: *Le Renseignement à la français.* Paris: Economica. 509—516. (In Fren.).
- Hellman, B. (2009). *Meetings and clashes. Articles on Russian literature.* Helsinki: Helsinki University Press. 300 p.

- Kere, S. (2009). Russian language and the “mental map” of Europe in the XX century: reflections on the example of France. In: *Russia and France. XVIII—XX centuries*, 9. Moscow: Nauka. 287—304. ISBN 978-5-02-037002-9. (In Russ.).
- Niqueux, M. (2013). Lettres d’André Mazon aux savants russes (1910—1919). *Revue des études slaves*, 1—2: 265—285. Available at: <https://journals.openedition.org/res/1093#ftn38> (accessed 24.10.2020). (In Fren.).
- Pondopoulo, A. (2011). Paul Boyer, ses liens avec la Russie et les enjeux politiques de la réforme de l’École des langues orientales dans les années 1910. In: *La France et les Français en Russie. Nouvelles sources et approches (1815—1917)*. Paris: École Nationale des Chartes. 341—359. (In Fren.).
- Spiridonova, D. V., Filatova, K. L., Chudinov, A. P. (2013). French linguistic Sovietology: Andre Mazon. *Political linguistics*, 1: 198—202. (In Russ.).
- Vershinin, A. A. (2012). *The world Revolution under the sounds of the “Marseillaise”, 1919—1923: to the origins of the French communist movement*. Moscow: URSS. 200 p. ISBN 978-5-397-03136-3. (In Russ.).
- Vladimirova, V. (1927). *Year of service of “socialists” to capitalists. Essays on the history of the counter-revolution in 1918*. Moscow, Leningrad: State Publishing House. 386 p. (In Russ.).
- Winock, M. (2007). *Clemenceau*. Paris: Perrin. 688 p. (In Fren.). ISBN 13 9782262018481.